

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Кафедра истории Средних веков и раннего Нового времени

На правах рукописи

Бойцов Михаил Анатольевич

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕРЕМОНИАЛ
В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
XIV – НАЧАЛА XVI в.**

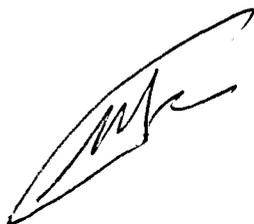
специальность 07.00.03 – всеобщая история (средние века)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

20 ЯНВ 2011

Москва

2010

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Официальные оппоненты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор,
руководитель Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового
времени Института всеобщей истории РАН Павел Юрьевич Уваров

доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной
истории Московского государственного института международных
отношений (университета) Олег Федорович Кудрявцев

доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой
всеобщей истории искусства Исторического факультета МГУ имени М.В.
Ломоносова Иван Иванович Тучков

Ведущая организация:

Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного
университета

Защита состоится «6» апреля 2011 г. в 16 часов на заседании
диссертационного совета Д 801.002.12 в Московском государственном
университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, МГУ, Исторический факультет,
аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.
В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Автореферат разослан «29» марта 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Никитина Т.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Начиная примерно с 70-х гг. XX в. одним из самых заметных явлений в различных гуманитарных дисциплинах — политологии, философии, социологии, антропологии, психологии, а главное, истории — стало резкое усиление интереса к проблематике природы власти¹. Аналогичный сдвиг в тематике отечественных медиевистических и других исторических исследований в сторону изучения того, что Ю.Л. Бессмертный назвал «социокультурным способом властвования», наметился несколько позже — около середины 90-х гг. Под «социокультурным способом властвования» Ю.Л. Бессмертный понимал «специфику используемых в данном социуме политических дискурсов; своеобразие представлений о власти и ее функциях, представления о допустимых (и недопустимых) видах властвования, имидж власти (включая представления о мере ее сакральности или иной трансцендентности), надежнее всего обеспечивающий покорность подчиненных; характерные черты символического оформления власти, принятые формы ее самопредъявления и вообще различные культурные топосы, фигурирующие в политической практике». Данная проблематика может исследоваться, по мнению того же автора, «в различных ракурсах и масштабах, в том числе с целью характеристики образа власти либо в глазах отдельных индивидов (например, выдающихся мыслителей или же рядовых подданных), либо в групповом сознании, ... либо в массовом сознании»².

Такая постановка вопроса сохраняет свою актуальность и сегодня, особенно если учесть, что всего пару десятилетий назад отечественные медиевисты (как, впрочем, и другие историки), менее всего испытывали стремление изучать «имидж власти» или «характерные черты ее символического оформления». Продолжая весьма заслуженные традиции, идущие из середины и второй половины XIX в., они разрабатывали прежде всего историю государства в его социально-экономических и политических, реже — институциональных и идеологических, совсем редко — историко-юридических аспектах. Лишь

---

¹ Добротный обзор существующих концепций власти см. в работе: *Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ*. М., 2001.

² *Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти в концепциях постмодернизма и микростории // Одиссей. Человек в истории — 1995*. М., 1995. С. 15.

совсем недавно не только в академической среде, но и в политике стало широко признаваться, что «имидж власти» представляет собой одно из важнейших средств господства и управления, на создание и поддержание которого всегда затрачивается немало материальных ресурсов и человеческих усилий. В свою очередь и историки в ходе собственных исследований последних лет начали осознавать, что образы власти всегда играли немаловажную роль при формировании и развитии политических сообществ. Такие образы складывались путем сложного взаимодействия между амбициями властителей и ожиданиями подвластных, причем далеко не всегда это взаимодействие осуществлялось в рамках каких бы то ни было государственных институтов. В последнее время начинает конституироваться как самостоятельная дисциплина потестарная имагология – направление, занимающееся изучением именно образов власти³.

На протяжении Средневековья исключительно большая роль в создании образов власти принадлежала разного рода церемониям, проводившимся при участии более или менее широкой «значимой общественности», т.е. представителей групп, способных влиять на рисунок отношений господства и подчинения в данном сообществе. Такие церемонии служили не только *опубликованию* важных политических решений (что также весьма существенно), но и сами *являлись* таковыми – примером чему могут служить коронационные торжества. Коммуникативная функция публичных демонстративных действий с участием государя и князей должна была быть особенно велика в условиях Священной Римской империи со столь характерной для нее высокой степенью дисперсности власти⁴. Поскольку же коммуникация в политической сфере представляла собой в Средние века в значительной степени коммуникацию символическую, политическому церемониалу неизбежно отводилась роль одной из важных частей несущего «каркаса» крупнейшего в позднесредневековой Европе политического образования — Священной Римской империи. Кроме

---

³ См., например, статьи (и приводимые в них библиографические сведения) в сборниках: *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время* / Под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эхсле. М., 2008; *Власть и образ. Очерки потестарной имагологии* / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. СПб., 2010.

⁴ О том, что в большинстве современных концепций власти подчеркивается именно коммуникативный ее характер, см., например: *Ball T. Transforming Political Discourse*. Oxford, 1988 или же кратко: *Болл Т. Власть* // *Полис*. 1993. № 5. С. 36 – 42.

того, политический церемониал должен был являться концентрированным выражением политической культуры своего времени, представляя тем самым для сегодняшнего историка ключ к ее пониманию.

Предметом исследования является политический церемониал – т.е. совокупность церемоний, посредством которых устанавливались, подтверждались и трансформировались политические отношения, – в Священной Римской империи двух предреформационных столетий. При этом рассматривается церемониал только на высших уровнях в иерархии Священной Римской империи – императорском (королевском) и княжеском, – во-первых, потому что именно такие церемонии имели более или менее общеимперское значение (в отличие от партикуляристских городских церемоний), а во-вторых, потому что они относительно хорошо документированы (в отличие от церемоний, практиковавшихся в кругах средней и мелкой знати).

В существующей литературе нет общепризнанной системы терминов, подходящей для описания избранного здесь предмета исследования. Более того, имеются принципиальные противоречия в использовании одного ключевого понятия – «церемония» и неопределенность в применении второго – «церемониал». «Церемония» обычно либо сближается с «ритуалом» вплоть до полного отождествления, либо же, напротив, решительно противопоставляется ему. Противопоставление строится, как правило, на том суждении (при частных различиях в конкретных формулировках), что церемония – явление более поверхностное, чем ритуал, поскольку ритуал относится к религиозной сфере и выстраивает взаимоотношения человека с высшими силами, всякий раз *воссоздавая* социум или же *пересоздавая* его заново, тогда как церемония – явление профанное и только *демонстрирует* характер уже сложившихся отношений – притом *всецело между людьми*.

Чтобы не переоценивать концептуальное значение данного противопоставления, вспомним, что своим возникновением оно обязано не этнологии XX в. и даже не социологии Э. Дюркгейма⁵. Его основания

---

⁵ Э. Дюркгейм жестко привязывал ритуал к религии и сакральности, определив тем самым позиции многих своих влиятельных последователей в социологии и истории. Альтернативный взгляд был предложен М. Глакменом, полагавшим, что религиозные обряды и сугубо светские нормы этикета составляют лишь крайности такого универсального явления, как ритуал. Именно

лежат вообще вне области научного знания, восходя к теоретикам Реформации (которые различали ритуалы, обладающие сакраментальным значением, и церемонии, такого значения не имеющие, но полезные для управления паствой)⁶ и еще глубже – к средневековым богословам (противопоставлявшим *ритуалы*, введенные Новым заветом и напрямую связанные со спасением души, – прежде всего евхаристию, – не обязательным для христианина *церемониям* Ветхого завета).

Что же касается понятия «церемониал», то оно в представлении многих историков полностью сводится к «*придворному* церемониалу». Неизбежными следствиями такого редукционизма оказываются не только исчезновение из поля зрения исследователей целых пластов церковных (при том не только литургических), городских, воинских, судебных и проч. церемоний, но и грубые искажения в определении некоторых типичных исторических ситуаций. Так, рассматривать торжественный въезд государя в город в рамках *придворного* церемониала неправильно уже потому, что значительная, а нередко и основная, часть этого действия устраивалась вовсе не двором, а городскими властями.

Выход из трудного положения с терминологией, сложившегося в силу особенностей исторического развития самих гуманитарных дисциплин, состоит не в поиске все более строгих дефиниций, а напротив, в максимальной либерализации используемых терминов. Так, слово «церемония» используется диссертантом в качестве самого широкого понятия для обозначения любых организованных по определенным правилам торжественных демонстративных действий – как церковных, так и светских, как «сущностных», так и «формальных», как символических, так и знаковых, выстраивающих как «вертикальные», так и «горизонтальные» связи в сообществе. В качестве особой группы церемоний при желании можно выделять ритуалы, хотя в ходе проведенного исследования в таком вычленении практической необходимости не возникало.

Здесь стоит учесть, что трактовка самого понятия «ритуал» выработано на протяжении последнего столетия бесчисленное

опираясь на его концепцию, историки позволили себе говорить о «гражданском ритуале». См., например, характерную работу: *Muir E. Civic Ritual in Renaissance Venice*. Princeton, 1981.

⁶ *Vis Ph. The Dangers of Ritual: between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Princeton, 2001. P. 175 – 176.

множество (Э. Дюркгейм, М. Мосс, Дж. Харрисон, Б. Малиновский, Дж. Гуди, А.Р. Рэдклифф-Браун, К. Леви-Стросс, Э.Б. Тайлор, М. Глакмен, Э. Лич, Э. Гоффман, Р. Коллинз, В. Тёрнер, К. Гирц, И. Эйбл-Эйбесфельдт и др.)⁷. Понятно, почему медиевисты, интенсивнее других работающие сегодня с понятием «ритуал» и ставящие, в отличие от диссертанта, именно его в центр своих рассуждений, со своей стороны выступают против терминологического пуризма и фетишизации точных определений. В их представлении понятие «ритуал» имеет множество смысловых пересечений с другими — в частности, с понятиями «церемония» и «церемониал», — да и сами ритуалы легко переходят в церемонии, как и церемонии — в ритуалы⁸.

Для целей данного исследования достаточно подчеркнуть не классификационные особенности понятия «ритуал», а его морфологическую «подчиненность». В принятой здесь системе понятий ритуалы могли являться *составными частями* церемоний: так, богослужение включалось звеном в цепь разноплановых действий, из которых складывалась, например, церемония въезда правителя в город. Понятие «церемония» оказывается удобнее в качестве наиболее общего еще и потому, помимо прочего, что в нем не заложена идея *повторяемости*, присутствующая в большинстве трактовок понятия «ритуал». Между тем далеко не всякие «постановочные» демонстративные акции политического свойства были рассчитаны на воспроизведение — напротив, многие «разыгрывались» заведомо только один раз. Впрочем, даже в повторявшихся церемониях наибольший интерес для историка представляет сегодня, думается, не столько их «идеальный тип», сколько, напротив, *уникальная специфика* каждого *отдельного* «исполнения» в основе своей одного и того же «сценария».

В качестве исходного значения понятия «церемониал» здесь будет рассматриваться не *система*, построенная по определенным принципам, но простая *совокупность* церемоний, имевших место в определенном сообществе, более или менее объединенном политическими связями и коммуникационной инфраструктурой (в данном случае в Священной

---

⁷ См. хороший общий обзор различных трактовок ритуала и основных дискуссий о нем: *Bell C. Ritual: Perspectives and Dimensions. Oxford, 2009* (первое издание вышло в 1997 г.).

⁸ *Althoff G. Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt, 2003. S. 11 – 12; Шмитт Ж.-К. Ритуал // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2007. С. 408 – 412.*

Римской империи). Другое дело, что по результатам исследования можно будет поставить вопрос о наличии в этой совокупности элементов системности. Определение «*политический* церемониал» предполагает концентрацию внимания на церемониях определенного типа, целью которых в конечном счете является выражение и вместе с тем подтверждение отношений господства и подчинения, существующих в данном обществе, а значит, и легитимация этих отношений.

Соответственно для данного исследования выбраны церемонии, наилучшим образом выявлявшие и подчеркивавшие отношения господства и подчинения – т.е. «вертикальные» отношения власти, а не «горизонтальные» связи солидарности между близкими по статусу индивидами или группами. В этом заключалась еще одна причина, почему не рассматривались многочисленные городские церемонии (например, праздничные процессии), практиковавшиеся едва ли не в каждой городской общине с целью ее сплочения в ответ на вызовы извне. Исключение делается только для церемоний, устраивавшихся в ситуациях взаимодействия города с государями: императорами, королями и князьями.

Впрочем, и одни лишь «императорско-княжеские» церемонии не могут быть рассмотрены в полном объеме – не только из-за изобилия княжеских дворов в империи, но также из-за разной степени отражения тех или иных обыкновений в источниках, а главное, из-за принципиально различного характера этих обыкновений. Так, практически не сохранилось сведений о нецерковных обрядах, оформлявших рождение и крестины наследников княжеских династий. Применительно к княжеским свадьбам имеющихся сведений, напротив, хватило бы для весьма объемного самостоятельного исследования, однако в свадебных церемониях обычно подчеркивалось равенство двух роднящихся между собой семейств, принадлежность их к одному и тому же кругу, а не превосходство одного из них над другим.

Такой асимметрии можно было бы ожидать от церемоний, сопровождавших улаживание конфликтов и заключение мирных соглашений в среде высшей знати, уже подробно изученных на раннесредневековом материале⁹, однако применительно к империи интересующего нас периода церемонии этого рода не становились

---

⁹ См. здесь обобщающую работу: *Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt, 1997. S. 21 – 155.*

объектом изучения, – более того, даже круг подходящих источников пока не определен¹⁰. Напротив, такие источники имеются применительно к церемониальному оформлению прошений (в частности по поводу передачи ленов), обращенных к государю, но соответствующие ситуации уже стали предметом анализа в недавно вышедшей монографии К. Гарнье, что избавляет от необходимости разбирать их здесь¹¹.

После учета всех вышеуказанных обстоятельств для рассмотрения в настоящей диссертации отобраны четыре группы церемоний, оформлявших рубежные моменты в репрезентации имперской власти, а потому являвшиеся ключевыми: совместное явление императора и курфюрстов на имперских собраниях, инаугурация нового государя, его торжественные въезды в города, и, наконец, траур по государю.

Вместе с тем предметом исследования являются не только позднесредневековые церемонии как таковые, но не в меньшей степени и представления подданных империи XIV – начала XVI в. о содержании таких церемоний, о том, как следует их «ставить», как описывать и интерпретировать. Таким образом, предметом изучения в конечном счете оказывается восприятие различных сторон власти европейцами XIV – начала XVI в. – в той мере, в какой оно получило отражение в политическом церемониале.

Цель исследования состоит в определении характерных черт политического церемониала в позднесредневековой Священной Римской империи и в выявлении особенностей его восприятия современниками – как «постановщиками», так и «реципиентами», в частности авторами прямых или косвенных описаний политических церемоний.

Основные задачи. Для достижения указанной цели предполагается решить ряд взаимосвязанных задач. Прежде всего в ходе текстологического изучения необходимо выяснить, с какой целью, на основе каких принципов и с помощью каких приемов составлялись

---

¹⁰ См., однако, близкое по теме исследование на французском материале времен Столетней войны: *Offenstadt N. Fair la paix au Moyen Age*. P., 2007, где вся третья часть (р. 147 – 226) посвящена церемониям заключения мирных соглашений, а четвертая (р. 227 – 305) – церемониальным способам оповещения населения о наступлении мира.

¹¹ *Garnier C. Die Kultur der Bitte. Herrschaft und Kommunikation im mittelalterlichen Reich*. Darmstadt, 2008.

документы, являющиеся главными источниками для данного исследования. Далее на основании анализа как такого рода текстов, так и изображений предполагается по мере возможности реконструировать и описать те характерные церемонии, составлявшие основу политического церемониала в Священной Римской империи, которые до сих пор либо не рассматривались вовсе, либо же изучались недостаточно, а также дополнить новыми сведениями представления историков о церемониях, на которые ранее в историографии уже обращалось внимание. На третьем уровне исследования предполагается выявлять контекст, морфологию, историческое происхождение церемоний и их семантику. На четвертом уровне ставится вопрос о возможном наличии общих принципов, проявившихся в самих церемониях различных видов или же в стратегиях их описания современниками. При решении конкретных задач на каждом из уровней необходимо параллельно вырабатывать методологию изучения политического церемониала, что может рассматриваться в качестве самостоятельной задачи. Все задачи оказываются тесно взаимосвязанными, отчего решению каждой из них нельзя посвятить отдельного раздела. Напротив, в каждой главе они решаются комплексно применительно к определенной категории политических церемоний.

Хронологические рамки и регион. Хронологические рамки исследования – от начала XIV в. до начала XVI в. – задаются в самом общем плане двумя глубокими кризисами Священной Римской империи: с одной стороны, междуцарствием середины XIII в., а с другой – Реформацией. Избранный период характеризуется стабилизацией империи как политического образования, что позволяет рассматривать политический церемониал в относительно спокойных, а не экстраординарных внешних обстоятельствах.

Кроме того, сведения источников, дошедших из германских земель от времени ранее XIV в., по обсуждаемому здесь комплексу проблем носят крайне отрывочный характер. Они позволяют выявить некоторые черты отдельных церемоний, однако не дают возможности составить сколько-нибудь ясное представление о политическом церемониале. Применительно же к верхней границе избранного периода правление Максимилиана I (1493 – 1519) представляется естественным рубежом уже потому, что при этом государе в германских землях резко усилилась рецепция новой – ренессансной – эстетики, решительно

изменившей внешний облик власти – как императорской, так и княжеской. Таким образом, для *средневековой* Священной Римской империи избранный период является не только наиболее подходящим, но едва ли не единственным, в пределах которого возможно проводить продуктивные исследования политического церемониала, а не одних лишь отдельных церемоний.

Определение регионального охвата исследования было задано уже выбором изучаемого политического сообщества – Священной Римской империи. Поскольку в рассматриваемый период государи Германии лишь ненадолго отправлялись в итальянские походы, основное внимание уделено территориям к северу от Альп, притом тем, которые были либо «близки» государю, либо «открыты» ему в соответствии с классификацией П. Морава¹². Это прежде всего Рейнская область, Алемания, Швабия, Бавария, австрийские земли, Франкония, а также Саксония, Тюрингия и Бранденбург. В поле зрения при этом попадали, естественно, не все перечисленные области, а только те точки, в которых источники позволили выявить показательные вспышки церемониальной активности. К их числу относятся прежде всего королевские и княжеские резиденции, а также города – княжеские (например, Кобленц, Магдебург) или имперские (например, Ахен, Франкфурт, Нюрнберг).

Вместе с тем универсалистская природа императорской власти, с одной стороны, и установившаяся в XIV – XV вв. система связей и взаимовлияний между европейскими правящими домами, с другой, заставляют в поисках необходимых сопоставлений обращаться к обычаям папской курии, а также привлекать типологически сходный материал из Франции, Италии, Венгрии, Польши, Фландрии и др.

Источники. Состояние источниковой базы для исследователя политического церемониала в позднесредневековой Германии нельзя назвать благоприятным – особенно по сравнению с ситуацией XVI – XVII вв. Сколько-нибудь крупных комплексов подходящих документов XIV – XV вв. в германских землях не сохранилось. Скорее всего, их никогда и не было, потому что само понятие «церемониал» еще отсутствовало тогда в сознании канцеляристов, архивистов и библиотекарей. В результате для данной работы пришлось собирать

---

¹² См., например: *Moraw P. Landesgeschichte und Reichsgeschichte im 14. Jh. // Jahrbuch für westdeutsche Landesgeschichte. Bd. 3. 1977. S. 175 – 191.*

отрывочные свидетельства из очень большого числа разнообразных документов – как опубликованных, так и не издававшихся.

Ряд ценных и ранее историкам не известных текстов был обнаружен при обследовании сохранившихся княжеских архивов XV в.: герцогства Австрийского (Династический, придворный и государственный архив в Вене), герцогства Баварского (Баварский главный государственный архив в Мюнхене), графства (с 1495 г. герцогства) Вюртембергского (Главный государственный архив в Штутгарте), маркграфства Гессенского (Гессенский государственный архив в Марбурге), курфюршества Саксонского и ландграфства Тюрингского (Саксонский главный государственный архив в Дрездене, Тюрингский главный государственный архив в Веймаре, Военно-исторический архив в Москве), графства Тирольского (Тирольский земельный архив в Инсбруке), курфюршества Трирского (Главный земельный архив в Кобленце), графства Хеннебергского (Тюрингский государственный архив в Майнингене). Помимо княжеских архивов, привлекались фонды архивов имперских городов Берна, Нюрнберга и Франкфурта-на-Майне.

Несколько существенных для темы исследования манускриптов удалось обнаружить в рукописных собраниях библиотек (Бургербиблиотек в Берне, Национальная библиотека им. И. Сечени в Будапеште, Австрийская Национальная библиотека в Вене, Нижнесаксонская государственная и университетская библиотека в Гёттингене, Саксонская земельная библиотека в Дрездене, Баварская государственная библиотека в Мюнхене).

Помимо рукописей, в библиотечных собраниях был выявлен и использован ряд инкунабул и палеотипов, относящихся к теме диссертации.

Основу исследования составляют письменные источники различных видов. Прежде всего это широкий круг нормативных текстов: Золотая булла 1356 г., постановления императоров (королей), пап, князей и городов (Франкфурт, Вормс, Цюрих, Констанц, Ульм, Базель и др.), Зеркала (Саксонское, Швабское), церемониальные чины (*ordines*) и их сборники (прежде всего куриальные), придворные распоряжки (*Hofordnungen*). Сюда же в качестве особой группы примыкают нотариальные акты.

Из нарративных источников широко привлекались придворные, церковные и городские хроники (составленные не только в империи, но

и за ее пределами), латинская и немецкая агиография, жизнеописания государей, различного рода хронологические заметки, «официальные» (т.е. подготовленные в соответствующих княжеских канцеляриях) описания церемоний, а также служебные донесения, отчеты и письма свидетелей различных церемониальных действий. Кроме того, использовались некоторые «эго-документы» – семейная переписка и записки автобиографического свойства.

Из числа делопроизводственных документов главную роль сыграли княжеские и городские счетные книги, а также протоколы княжеских канцелярий (светских и церковных), рабочие наброски и иные подготовительные материалы к будущим «сценариям» церемоний.

В отдельных случаях привлекались литургические сборники (понтификалы) и сочинения по литургике (Дуранд Мендский, Сикард Кремонский), политико-правовые трактаты (Дитрих Нимский), публицистика (Ульрих фон Гуттен), проповеди (Жоффруа де Больё), а также поэзия – латинская (Николай Брайн) и немецкая (Фрауэнлоб и др.).

Если следовать классификации, предложенной Г.Я. Шенком, основную часть использованных текстов можно разделить на три большие группы в зависимости от их отношения к описываемым в них церемониям¹³. Они либо *прескриптивные*, если составлялись до начала церемонии с целью задать ей сценарий (как церемониальные чины – *ordines*), либо *дескриптивные*, если давали ее описание *post festum*, как, например, хроники, либо же *делиберативные*, если представляли собой служебные или подготовительные материалы, вроде служебных набросков или счетов. На практике, однако, порой один и тот же текст в зависимости от обстоятельств мог оказываться то прескриптивным, то дескриптивным, то делиберативным.

Хотя подавляющее большинство источников для данного исследования составляют тексты, в исследовании использовались также изобразительные материалы (миниатюры, гравюры, фрески, пластика), а отчасти и топографические данные (планы городов, площадей и зданий). Само пространство сохранившихся исторических зданий – таких, как ахенский храм св. Девы Марии или собор св. Стефана в Вене – служит источником по истории проходивших в них церемоний.

---

¹³ Schenk G.J. Zeremoniell und Politik. Herrschereinzüge im spätmittelalterlichen Reich. Köln; Weimar; Wien, 2003 (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalter, Beihefte zu J.F. Böhmer, Regesta Imperii, 21). S. 82 – 83.

Методологическая основа исследования сложилась из сочетания различных методов анализа, необходимость комплексного использования которых вызвана как чрезвычайной неоднородностью и фрагментарностью имеющейся источниковой базы, так и разнообразием возникающих в ходе ее рассмотрения трудностей. Исходных методологических допущений сделано два. Первое состоит в том, что любая церемониальная ситуация¹⁴ (включающая наряду с самой церемонией как последовательностью определенных действий еще и все существенные обстоятельства ее концептуализации, технической подготовки, осуществления, описания и истолкования) определяется, с одной стороны, длительным предшествовавшим развитием общества и культуры во всей его сложности, а с другой — уникальным сочетанием конкретных сиюминутных обстоятельств. Из того, что церемониальная ситуация оказывается своего рода концентрацией социального и культурного опыта своего времени, следует второе допущение: историку следует изучать ее не только ради выяснения ее собственных особенностей, но и в качестве средства приблизиться к пониманию тех социальных обстоятельств и тенденций в культуре, комплексным выражением которых она и стала. Методики таких исследований пока недостаточно разработаны: авторы слишком многих публикаций видят свою задачу всего лишь в описании какой-либо средневековой церемонии путем бесхитростного пересказа соответствующего средневекового текста. Между тем источниковедческая критика и герменевтический анализ таких свидетельств составляет необходимую методическую предпосылку исследования как особенностей построения средневековых церемоний, так и их смыслового содержания. Именно поэтому в диссертации особое внимание уделяется различным методам критики свидетельств источников. Наряду с традиционным историко-филологическим анализом содержания текстов и сопоставления их разных редакций применяются методы кодикологии и текстологии — прежде всего для выявления исходной структуры и «церемониального» содержания Золотой буллы 1356 г. В ряде случаев привлекаются изобразительные источники, что заставляет применять некоторые

---

¹⁴ Понятие вводится в работе: *Bojcov M.A. Qualitäten des Raumes in zeremoniellen Situationen: Das Heilige Römische Reich, 14. – 15. Jahrhundert // Zeremoniell und Raum. 4. Symposium der Residenzen-Kommission der Akademie der Wissenschaften in Göttingen / Hrsg. von W. Paravicini. Sigmaringen, 1997 (Residenzenforschung, 6). S. 136 – 137.*

искусствоведческие подходы, при этом изображения сопоставляются с источниками письменными, а порой и противопоставляются им, корректируя их данные. Любое сообщение – будь то письменное, будь то визуальное – рассматривается не столько как «отражение» действительности, сколько как средство влияния на нее, а то и ее конструирования, когда интересы и склонности автора сообщения напрямую определяют и то, что он способен воспринять, и то, что затем он полагает нужным рассказать или изобразить. Разумеется, такая сугубо субъективная позиция информатора сама по себе является исторической действительностью – более любой иной доступной наблюдению историка и всячески заслуживающей изучения. При работе с юридическими памятниками, такими как Зеркала, естественно было прибегнуть к методам историко-правового исследования. В поисках аналогий церемониям, практиковавшимся в империи, использовались сопоставления со сходными обычаями в соседних странах, – т.е. приемы исторической компаративистики. Зато при сосредоточении на специфике локальных церемоний – например, коронационных въездов в Ахене или погребальных торжеств в Вене – применялись некоторые подходы, свойственные микроистории.

Степень изученности проблемы. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV – начала XVI в. не становился объектом специального изучения – ни в отечественной историографии, ни в зарубежной. Тем не менее данная диссертация вписана в широкий и разнообразный историографический контекст. Если на протяжении XVI в. в разных европейских странах только осваивали понятие «церемониал», то уже в XVII в. и в первой половине XVIII в. стали предприниматься настойчивые попытки комплексного описания, систематизации и теоретического осмысления церемониальных норм и традиций. В результате этого академического (как исторического, так и практического) интереса появилось немало публикаций, среди которых выделяются труды Теодора и Дени Годфруа (1619 и 1649 г.), Грегорио Лети (1685 г.), Фридриха Вильгельма фон Винтерфельда (1700 – 1703 гг.), Фридриха Фризе (1703, 1708 – 1728 гг.), Готфрида Штиве (1715 г.), Иоганна Кристиана Люнига (1719 – 1720 гг.), Бернара Пикара (1723 г.) и Юлиуса Бернхарда фон Рора (1728 – 1729 гг.), попытавшегося даже создать особую «науку о церемониале». При том, что в центре внимания этих исследователей оставались обычно княжеские дворы и

дипломатический протокол, они были склонны беспредельно расширять смысловое наполнение понятия «церемониал», включая в него как светские, так и церковные обыкновения, как сами действия, так и описывавшие их регламенты, как придворные церемонии, так и вообще любые обычаи, традиции, нормы поведения и правила вежества. Однако столь бурно расцветшее было академическое направление, занимавшееся осмыслением церемониала, бесследно исчезло во второй половине XVIII в. – начале XIX в. С одной стороны, Просвещение и Французская революция обесценили в глазах интеллектуалов множество «нерациональных» явлений, связывавшихся со Старым порядком, в число которых попали и средневековые церемонии. С другой же, – интерес романтиков к «народному духу» привел к новой демаркации исследовательских полей. Теперь изучение крестьянских и городских традиций выделилось во вполне самостоятельное направление (ставшее со временем отдельной дисциплиной – этнографией), в рамках которого не было никакой необходимости продолжать использовать такие понятия, тесно связанные с придворным и церковным бытом, как «церемониал»¹⁵. В историографии рационалистического и буржуазного XIX в. церемониалу как предмету исследования не было места, поскольку он воспринимался тогда в качестве глубокой архаики, формы, начисто лишенной какого бы то ни было содержания. К тому же два основных института, более всего связанных с церемониалом, – королевский (княжеский) двор и церковь – переживали на протяжении XIX и XX в. не лучшие времена, тогда как успехи промышленности, на глазах менявшей самые основания европейских обществ, и глубокие трансформации социальных отношений в деревне привлекали взоры историков и социологов совсем к иным, нежели церемониал, явлениям как в настоящем, так, соответственно, и в прошлом.

Как и во всех других областях гуманитарного знания, смена установок в историографии началась только после глубокого и всеохватного – социального, политического и идейного – кризиса рубежа XIX и XX вв., в особенности после Первой мировой войны, поставившей под вопрос глубинные основания европейской цивилизации Нового времени – и прежде всего ее панрационализм. То,

---

¹⁵ Между тем как, например, еще в работе *Friese F. Der vornehmsten Künstler und Handwerker Ceremonial-Practica. Th. 1 – 3. Leipzig, 1708 – 1728* описывались «церемонии» кузнецов, портных, гончаров, токарей, скорняков, сапожников, шляпников, переплетчиков, пушкарей, литейщиков, мясников, трубочей и т.п.

что еще совсем недавно считалось противоречащим разуму, а потому не заслуживающим ни изучения, ни даже описания, выдвинулось едва ли не в центр внимания литературы, искусства, психологии, философии и истории. Понятно, почему этот кризис и начавшийся «век масс» отразились в антиковедении, медиевистике, византинистике и искусствоведении межвоенных десятилетий, помимо прочего, появлением целого ряда исследований, посвященных тем или иным аспектам «политической теологии» (термин К. Шмитта, использованный Э.Х. Канторовичем). Иррациональные идеи, искусственные идеологические конструкции, юридические фикции, литературные метафоры, символические предметы, иконографические клише, – все они в качестве весьма эффективных средств построения политических сообществ и управления стали предметом изучения М. Блока и А. Грабара во Франции, П.Э. Шрамма, Э.Х. Канторовича, Э. Айхмана, О. Трайтингера, Р. Дельбрюка, Г. Ладнера в Германии, А. Альфёльди в Венгрии, Ханса Петера Лоранжа в Норвегии и др. О церемониях и церемониале упоминалось во многих работах межвоенной поры, хотя центральными эти понятия стали только для А. Альфёльди и О. Трайтингера, занимавшихся поздней Римской империей и Византией соответственно. Другие авторы, в частности медиевисты, предпочитали говорить о «ритуалах», «сакральности» и проч. В политическом отношении обозначившееся тогда историографическое направление было связано преимущественно с правыми течениями – вплоть до радикальных, как в случаях П.Э. Шрамма, Э.Х. Канторовича, Э. Айхмана, и, особенно, основателей «правовой археологии» К. фон Амиры и К. фон Шверина. Последнее обстоятельство должно было сыграть свою роль в том, что после разгрома нацизма и вплоть до 60-х гг. интерес к обозначившемуся было новому кругу вопросов практически не проявлялся. Впрочем, более важной причиной такого небрежения стало увлечение многих западных левых интеллектуалов, в частности историков, марксизмом – закономерное в условиях послевоенной идеологической борьбы двух противостоявших общественно-политических систем. Оно никак не могло способствовать популярности тем, относившихся к потестарной имагологии вообще и политическому церемониалу, в частности.

Тем не менее новое оживление такой проблематики наметилось отчасти благодаря импульсам из левой части политического спектра. Так, всемирная слава Э.Х. Канторовича началась во Франции из-за

одобрительного замечания М. Фуко в книге 1975 г.¹⁶, а французский перевод «Двух тел короля» вышел в 1989 г. в серии *Bibliothèque des histoires*, считавшейся традиционно марксистской. С другой стороны, Э.Х. Канторович оказался с такой заинтересованностью воспринят именно во Франции, потому что у французских методологов к середине 70-х гг. накопилась усталость от постоянно декларируемых, но мало результативных попыток выстроить широкую картину исторического синтеза в позитивистско-марксистском ключе¹⁷.

В возвращении интереса историков к сюжетам потестарной имагологии проявилось, видимо, одновременное воздействие многих факторов самого разного свойства. Здесь сказались и осмысление опыта тоталитарных диктатур XX в., и утрата марксизмом былой привлекательности в глазах западных интеллектуалов в ходе стагнации и распада «реального социализма», и, самое главное, переход к постиндустриальному информационному обществу. Не обошлось без осмысления глубоких трансформаций в современной культуре, выражающихся в нарастании визуализации и перформативности при параллельном снижении значения печатного слова. Вполне вероятно прямое или, скорее, опосредованное влияние философских идей, связанных с постструктурализмом и постмодернизмом. Работы таких социологов, как Э. Кассирер, М. Фуко, П. Бурдьё, Ю. Хабермас, Ж. Эльюль, Н. Луман, Ж. Бодрийар или антропологов – таких как А. ван Геннеп и К. Гирц, – весьма способствовали распространению в современном гуманитарном знании проблематики символического, развитию теории коммуникации, широкому обсуждению роли, которую играет символическое, демонстративное, коммуникативное поведение как в культуре вообще, так и в обеспечении отношений господства и подчинения, в частности.

В результате сочетания всех разноплановых обстоятельств за последние два-три десятилетия сложилось широкое, хотя внутренне весьма неоднородное, направление, заданное рядом историков, которые, с одной стороны, разрабатывали вполне конкретные проблемы позднеантичной и средневековой истории, но, с другой, не боялись ставить вопросы общего плана: Э.Х. Канторович, К.А. Боуман, Р. Гизи,

---

¹⁶ См. в русском переводе: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 45 – 47.

¹⁷ Schöttler P. Ernst Kantorowicz in Frankreich // Ernst Kantorowicz / Hrsg. von R. Benson und J. Fried. Stuttgart, 1997. S. 160.

А. Эрланд-Брандбур, С. Маккормак, С. Хэнли, Р. Джэксон, М.Й. Энрайт, М. Маккормик, Дж. Нельсон, Л.М. Брайен, Дж. Козьол, С. Бертелли, А. Паравичини Бальяни, Я. Бак, Г. Альтхоф, Ф. Бюк, З. Далевски.

Подходы этих историков во многом сомкнулись с установками других групп исследователей, занявшихся начиная с 70-х – 80-х гг. XX в. изучением двух чрезвычайно важных для доиндустриальных обществ комплексных явлений: праздника (в частности, праздника придворного)¹⁸ и королевского (княжеского) двора. Последнее направление появилось не в последнюю очередь под влиянием книги социолога Н. Элиаса, написанной еще в 1933 г., но опубликованной только в 1969 г.¹⁹.

В советской историографии проблематика образов власти и, в частности, политического церемониала, как и на Западе, долго не вызывала никакого интереса. Первые шаги в направлении этих сюжетов были сделаны А.Я. Гуревичем, заинтересовавшимся конституирующей ролью ритуалов в установлении социальных связей у древних германцев и средневековых скандинавов²⁰. Далее последовали некоторые исследования т.н. тартуско-московской семиотической школы, из которых медиевисту важнее всего работы Б.А. Успенского²¹. Ситуация стала решительно меняться начиная с 90-х гг.²²: количество публикаций, посвященных тем или иным сторонам облика власти, растет теперь с каждым годом, причем немалый вклад в эти перемены внесла исследовательская группа «Власть и общество» на историческом факультете МГУ²³. В настоящее время сюжеты, имеющие то или иное

---

¹⁸ См. далеко не полную библиографию: *Watanabe-O'Kelly H., Simon A. Festivals and Ceremonies. A Bibliography of Works Relating to Court, Civic and Religious Festivals in Europe 1500 – 1800.* L.; N.Y., 2000.

¹⁹ *Elias N. Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie.* Neuwied; B., 1969.

²⁰ См. прежде всего: *Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма.* М., 1970; *Он же. Категории средневековой культуры.* М., 1972.

²¹ Здесь важнее всего: *Успенский Б.А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление).* М., 1998.

²² *Бессмертный Ю.Л.* Ук. соч.; *Бойцов М.А.* Скромное обаяние власти // *Одиссей. Человек в истории.* 1995. М., 1995. С. 37 – 66.

²³ См. сборники статей: *Двор средневекового монарха: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян.* М., 2001; *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян.* М., 2004; *Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Под*

отношение к истории политического церемониала в Европе Средневековья и Раннего Нового времени, затрагиваются на материале различных стран в публикациях многих историков, в частности: И.Л. Андреева, И.И. Варьяш, А.Ю. Виноградова, О.С. Воскобойникова, О.И. Головановой, Т.П. Гусаровой, И.Н. Данилевского, О.В. Дмитриевой, И.В. Казакова, Е.В. Калмыковой, Е.А. Кирьяновой, В.А. Ковалева, С.А. Польской, М.А. Поляковской, А.В. Романчук, Т.Ю. Стукаловой, О.И. Тогоевой, С.Е. Федорова, Н.А. Хачатурян, С.К. Цатуровой и мн. др.

Работы всех перечисленных выше авторов – как отечественных, так и зарубежных – составляют лишь общий, хотя и методологически существенный, фон для данной диссертации. В отечественной медиевистике вопросы политического церемониала в Священной Римской империи XIV – начала XVI в. рассматривались до сих пор только в собственных исследованиях диссертанта²⁴. А.В. Леонтьевский перевел на русский язык вместе со всеми прочими разделами Золотой буллы 1356 г. ее «церемониальные» главы, а значит, как и любой переводчик, предложил свою интерпретацию их смысла. Тем не менее объектом специального изучения они у него не стали²⁵. Ближе всего к теме диссертации стоят исследования А.Ю. Прокопьева, посвященные придворному церемониалу в германских княжествах (преимущественно Саксонии и Бранденбурге). Среди них публикации как по структуре двора²⁶, так и по самим церемониям, сопровождавшим княжеские свадьбы²⁷ и похороны²⁸. Однако в центре внимания А.Ю. Прокопьева –

ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006; Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008, а также: Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян / Под ред. О.В. Дмитриевой. СПб., 2007.

²⁴ Основной публикацией является монография: *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

²⁵ *Леонтьевский А.В.* «Золотая булла» Карла IV Люксембурга. Волгоград, 1998.

²⁶ *Прокопьев А.Ю.* Жезл гофмаршала (высшие должности при дрезденском дворе в XVII в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языковедение, литературоведение. Вып. 1. 2002. № 2. С. 36 – 49.

²⁷ *Он же.* Свадебный церемониал при Дрезденском дворе Веттинов в XVII в. // Актуальные проблемы всеобщей истории / Под ред. А.А. Егорова. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2003. С. 92 – 109.

²⁸ *Он же.* В последний путь: социо-культурные функции похоронной процессии при дрезденском дворе XVII в. // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 11-й международной конференции молодых ученых, 27 – 30 декабря 2000 г. / Под ред. И.В. Мурина. СПб., 2000. С. 335 – 341; *Он же.* «Zur letzten Ehre». Погребальная обрядность протестантских дворов

Германия XVII в., и хотя в поисках сравнительного материала ему часто приходится «спускаться» в предыдущее столетие, он все же остается в рамках принципиально иного периода германской истории, чем тот, которым занимается диссертант.

В немецко-австрийско-швейцарской историографии ситуация, разумеется, иная. Так, в ней существует большая литература, посвященная Золотой булле 1356 г. (классическими являются книги К. Цоймера и Б.-У. Хергемёллера), однако вся она построена на таких исходных посылах относительно структуры этого документа, которые ставятся в диссертации под сомнение. Накоплено немалое количество частных исследований, посвященных отдельным видам политических церемоний (автором некоторых из них является сам диссертант), однако разные церемонии охвачены в литературе неравномерно. Так, по поводу церемонии усаживания короля на церковный престол имеется всего одна давняя диссертация²⁹ и несколько статей. Зато торжественным въездам средневековых государей в города было на протяжении последних десятилетий уделено много внимания³⁰. Очень разрозненны публикации, посвященные погребальным церемониям³¹, а недавняя попытка обобщить их в монографическом исследовании не может быть признана особенно успешной³².

Интерес к придворному церемониалу в современной немецкой историографии возник вместе с появлением исследований по истории княжеских дворов. Однако едва ли не в первом же исследовании этой волны его автор должна была с разочарованием отметить, что даже в столь крупном княжестве, как Бранденбург о придворном церемониале до XVI в. неизвестно практически ничего³³. Судя по тому, что после нее

Германии раннего нового времени // Университетский историк. Альманах / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 2. СПб., 2002. С. 85 – 112.

²⁹ Rieger F. Die Altarsetzung der deutschen Könige nach der Wahl. Diss. B., 1885.

³⁰ Основными сейчас являются Drabek A.M. Reisen und Reisezeremoniell der römisch-deutschen Herrscher im Spätmittelalter. Diss. Wien, 1964 и особенно Schenk G. Op. cit.

³¹ Едва ли не лучшим исследованием здесь является: Zelfel H.P. Ableben und Begräbnis Friedrichs III. Wien, 1974 (Dissertationen der Universität Wien, 103).

³² Meyer R.J. Königs- und Kaiserbegräbnisse im Spätmittelalter: von Rudolf von Habsburg bis zu Friedrich III. Köln; Weimar; Wien, 2000 (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J.F. Böhmer, Regesta imperii, 19).

³³ Plodeck K. Hofstruktur und Hofzeremoniell in Brandenburg-Ansbach vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Zur Rolle des Herrschaftskultes im absolutistischen

к сходным выводам приходили и специалисты по истории ряда других княжеств, бранденбургский случай – скорее правило, чем исключение.

Изучение средневековых германских дворов сильно активизировалось в ходе работы с 1985 г. при гёттингенской Академии наук Комиссии по изучению княжеских резиденций в Средние века и раннее Новое время. Промежуточным итогом работы Комиссии стал обширный справочник «Дворы и резиденции в позднесредневековой Германии». Ряд статей справочника, посвященных отдельным церемониям, написаны диссертантом в ходе подготовки настоящего исследования (см. список публикаций).

Суммируя, приходится отметить полное отсутствие сколько-нибудь обобщающих работ по политическому церемониалу в Священной Римской империи XIV – начала XVI в. при наличии, напротив, значительного числа частных исследований, посвященных отдельным церемониям. Мнения, заявленные в них, однако, далеко не всегда убедительны, вследствие чего в диссертации последовательно проводится критика сложившихся историографических традиций.

Научная новизна. В диссертации прежде всего вводится в научный оборот ряд новых, и притом весьма существенных, документов, обнаруженных в архивах и рукописных отделах библиотек. В ней также вырабатываются и опробуются новые методики анализа текстов, относящихся к церемониальным ситуациям. Предлагается новая концепция складывания Золотой буллы 1356 г., а следовательно, и новое понимание смысла этого важнейшего для истории Германии правового памятника. В результате изучения как впервые найденных, так и ранее уже известных источников опровергается целый ряд давно и прочно устоявшихся в историографии мнений и обосновывается новое понимание происхождения и смысла отдельных церемоний, – таких как усаживание на алтарь или возвращение преступников. Впервые прослеживается эволюция ряда церемоний в отдельных княжествах и демонстрируется процесс постепенного складывания общеевропейских норм организации траурных церемоний. Впервые ставится вопрос о существовании политического церемониала в империи и выявляются его основные характерные черты на основании обращения к церемониям как

«имперского», так и «княжеского» уровней. Также впервые обосновывается принципиальная значимость политического церемониала как инструмента осуществления власти и как той сферы практической деятельности, в которой политическая культура определенного времени находила свое концентрированное выражение.

Практическая значимость работы. Проведенное исследование побуждает к далеко идущему пересмотру устоявшихся взглядов на ряд ключевых вопросов позднесредневековой истории Германии, в частности, на историю появления Золотой буллы 1356 г. и ее содержание. По результатам диссертации требуется внести серьезные коррективы в привычные представления историков о функционировании власти как в Священной Римской империи, так и по всей средневековой Европе. Политический церемониал описан в качестве нового и весьма перспективного исследовательского поля для специалистов по истории различных политических образований, притом не обязательно средневековых. Прояснена и методическая сторона изучения этой темы. Тем самым диссертация способствует интенсификации исторических исследований, ускоряя становление направления по изучению образов власти и символических средств коммуникации. Фактический материал, собранный в диссертации, может быть использован при написании учебников и учебных пособий, а также обобщающих работ по истории европейского Средневековья, при подготовке специальных курсов по истории, историографии и страноведению Германии, Австрии, Швейцарии и ряда других стран.

Апробация материалов исследования. Основные положения и результаты исследования изложены в монографии и серии статей на русском, немецком и английском языках общим объемом около 130 а.л. Материалы диссертации, а также ряда тесно связанных с ней исследований неоднократно представлялись в виде персональных докладов диссертанта, его выступлений на конгрессах, конференциях и круглых столах.

С персональными докладами диссертант выступал на Историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (1994, 2002, 2004), в Институте всеобщей истории РАН (1995, 1997, 1999, 2002, 2003, 2004, 2006), в Институте гуманитарных историко-теоретических исследований Государственного университета – Высшей школы

экономики (2005), в Институте славяноведения РАН (2009), в Институте истории Общества им. М. Планка (Гёттинген, 1997), в университетах Фрибура (2000, 2010), Гисена (2001 – трижды), Вены (2001), Киля (2001), Гёттингена (2002, 2005), Гейдельберга (2008), Халле (2008), Мюнстера (2001, 2009), Мюнхена (2010).

Были представлены доклады на Ломоносовских чтениях в МГУ имени М.В. Ломоносова (1994, 1999, 2003, 2008) и XVI Лотмановских чтениях в Российском государственном гуманитарном университете (2008);

на всероссийских конференциях: «Священное тело короля: теоретический и идеологический аспект» (2003), «Империи и этноконфессиональные государства в Европе в Средние века и раннее Новое время» (2008);

на конференциях и круглых столах: «Средневековые и „средневековость“ в представлениях современников и в концепциях современных исследователей» (ИВИ РАН, 1993), «Харизма королевской власти. Миф и реальность» (МГУ, 1993), «Средневековое европейское дворянство: от рыцаря к придворному и *officier*» (МГУ, 1996), «Человек в средневековом городе Западной Европы: XI – XV вв.» (ИВИ РАН, 1996), «Жизнь двора и его образ в литературе средних веков и раннего нового времени» (МГУ, 1998), «Карл Великий: реалии и мифы» (ИВИ РАН, 2000), «Поблекшее сияние: Ошибки, неудачи и катастрофы при создании образа власти» (ИВИ РАН, 2004), «Потестарная имагология: подходы и методы» (ИВИ РАН, 2005), «Потестарная имагология: логики присвоения чужого образа» (ИВИ РАН, 2005), «Знаки власти. Опыт европейских культур» (ИВИ РАН, 2006), «Имя, речь и церемония: как создается образ правителя» (Институт славяноведения РАН, 2009), «Человек читающий: между реальностью и текстом источника» (ИВИ РАН, 2010);

на VII Весенней школе исторического факультета Уральского государственного университета (2009);

на Международном медиэвистическом конгрессе (Лидс, 1999), международном конгрессе *Mediävistik im 21. Jahrhundert. Stand und Perspektiven der internationalen und interdisziplinären Mittelalterforschung* (Падерборн, 2001);

на международных конференциях: «*Zeremoniell und Raum (1200 – 1660)*» (Потсдам, 1994), «*Augenblick und Dauer. Mittelalterliche und frühneuzeitliche Kunst als ästhetisches Ereignis im Spannungsverhältnis von*

Ephemerität und Permanenz» (Марбург, 1995), «Höfe und Hofordnungen (1200 – 1600)» (Зигмаринген, 1996), «L'individu parmi les siens. La compréhension de l'individu dans l'Occident et en Russie au Moyen Age et au commencement des temps modernes» (Гёттинген, 1997), «Aspects of Courtly Culture in Late Medieval Europe» (Будапешт, 1998), «Das Frauenzimmer. Die Frau bei Hofe in Spätmittelalter und Früher Neuzeit» (Дрезден, 1998), «Индивид среди своих» (Москва, ИВИ РАН, 2000), «Ankunft und Abschied. Aspekte weltlichen und geistlichen Zeremoniells im Mittelalter» (Мюнстер, 2001), «Zeichen, Rituale, Werte. Symbolische Kommunikation vom Mittelalter bis zur Französischen Revolution» (Мюнстер, 2002), «Der Innsbrucker Hof» (Инсбрук, 2002), «Material Culture and Emotions in the Middle Ages» (Кремс, 2002), «Les images du pouvoir dans l'Occident, en Byzance et en Russie au Moyen Age et à l'époque moderne» (Гёттинген, 2002), «Representations of Power in Medieval Germany» (Грегиног, 2003), «Образы власти на Западе, в Византии и на Руси в средние века и Новое время» (Москва, 2003), «Processions between Religion and Politics» (Бад Херпенальб, 2005), «Paradoxien der Legitimation. Kulturhistorische Analysen zur Macht im Mittelalter» (Менаджо, 2008), «Kaiser Friedrich III. (1440 – 1493)» (Винер Нойштадт, 2009);

на международных семинарах: «Mittelalterliche und neuzeitliche Staatlichkeit» (Бюдингген, 1995), «The Dynamics of Medieval Cities» (Девентер, 2007), «Der Leichnam des Herrschers» (Гейдельберг, 2008).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 30 июня 2010 г.

Структура работы. Диссертация построена по проблемно-тематическому принципу. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и библиографии, а также пяти приложений. В качестве приложений включены: 1. Реконструкция составных элементов нюрнбергской части Золотой буллы 1356 г.; 2. Перечень выявленных к настоящему времени эпизодов с усаживанием епископов, аббатов (аббатис) и пап римских на церковные престолы; 3. Порядок занятия мест на поминальной трапезе по пфальцграфу Фридриху I Победоносному в 1476 г. в Гейдельберге (сопоставление четырех свидетельств); 4. Образцы использованных архивных

документов (для проверки правильности предлагаемых чтений); 5. Иллюстрации и подписи к ним. Каждая глава состоит из параграфов (во Введении их три, в первой главе – четыре, во второй – два, в третьей и четвертой – по три).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы, демонстрируется ее актуальность, обозначаются предмет, цели и задачи исследования, его научная значимость, методологическая основа, анализируется состояние как собственно историографии изучаемого вопроса, так и широкого историографического контекста исследования, а также характеризуется использованная источниковая база.

Первая глава «Золотая Булла 1356 г. как „церемониальная конституция“ Священной Римской империи» состоит из трех параграфов. В первом рассматривается складывание и структура самого известного правового памятника позднесредневековой Священной Римской империи, содержащего уникальное для латинской Европы описание политических церемоний, – т.н. Золотой буллы 1356 г. После введения в историю изучения Золотой буллы в итоге кодикологического и текстологического анализа обосновывается гипотеза о том, что старейшей частью Золотой буллы являются не нынешние главы 1 – 2 (о процедуре избрания короля Римского), а главы 3 – 6, описывающие церемонию публичного явления императора совместно с курфюрстами. Выясняется, что рождение Золотой буллы началось с императорского эдикта, посвященного церемониальному рассаживанию участников имперской курии. Дополнительные «церемониальные» разделы Золотой буллы стали по большей части только развитием первого эдикта, будучи либо прямыми дополнениями к нему, либо же конкретизацией его положений специально для имперских собраний в Нюрнберге и Меце.

Второй параграф посвящен метафорическим описаниям империи как политического сообщества. Империя представлялась авторам Золотой буллы разросшейся виноградной лозой, телом или же архитектурным сооружением. Библейское происхождение образа лозы и его смысл очевидны, античные корни органиологических метафор хорошо изучены. Зато история метафоры империи как «священного здания», столпами которого являются курфюрсты, при всей ее известности в литературе анализируется сколько-нибудь подробно

впервые. Выясняется, что в распоряжении приближенных Карла IV отсутствовала собственная «светская» метафорика. Империя представлялась им по аналогии с церковью составным единством, каждая из частей которого обладает не только своим местом и функциями, но и особой символической легитимацией. Самыми важными частями империи оказывались в этой системе представлений император и курфюрсты, составлявшие соответственно фундамент (стилобат) и колонны «священного здания» империи – точно так же, как Христос и апостолы составляли здание церкви. Та же идея империи как составного единства передавалась и в церемониях, но при помощи иных средств: прежде всего совокупности человеческих фигур – носителей тех или иных статусов, – представленных в определенном, «правильном», порядке, выражающем гармонию связывающих их отношений.

В третьем параграфе «Политические церемонии в Золотой булле: основной эдикт» рассматривается прием визуализации образа империи церемониальными средствами, – как он был выражен в хронологически самой ранней части Золотой буллы. Прежде всего текстологический анализ показывает, что в ней были объединены два изначально самостоятельных текста, связанные с двумя принципиально различными церемониальными ситуациями. В одном речь шла о совместном торжественном заседании императора и курфюрстов, а во втором – о собрании курфюрстов после кончины государя для избрания нового короля. Согласно предлагаемой реконструкции, разделы, относящиеся ко второй ситуации, являлись вставкой, появившейся между составлением в канцелярии Карла IV исходного «церемониального» эдикта и «беловой» записью его переработанного после переговоров с курфюрстами текста, – ядра будущей Золотой буллы. Иными словами, слияние двух «церемониальных» текстов стало одним из первых итогов переговоров в Нюрнберге. В исходном эдикте Карл IV заботился прежде всего о повышении собственного статуса как короля Чешского на имперских собраниях. При помощи церемониального *ordo* он выстраивал новую иерархию среди светских курфюрстов, обеспечивая первое место за королем Чешским и оттесняя с него же пфальцграфа. Вместе с тем, император предложил решение давнего церемониального спора между архиепископами Майнцским и Кёльнским. «Добавленный» в ходе переговоров текст, относившийся к междуцарствию и избранию нового государя, представлял собой, возможно, остаток другого королевского эдикта, не прошедшего согласования с курфюрстами в

полном виде. Предложенные здесь трактовки были выгодны как Карлу IV в качестве короля Чешского, так и архиепископу Майнцскому. В первой «секции» данной вставки речь шла о *процедуре* подачи голосов при избрании, но поскольку ее понимали, похоже, как *церемонию*, к ней был позже – уже на третьем этапе – добавлен (возможно, по инициативе герцога Саксонского и в его интересах) раздел о церемониальных службах, выполняемых светскими курфюрстами – правда, не на избирательном собрании, а во время торжественной императорской «курии». Церемониал определял иерархию среди курфюрстов: церковные князья выше светских, а король Чешский и пфальцграф Рейнский выше, чем герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский. Политико-церемониальное воображение автора эдикта приближалось к воображению того «архитектора», что конструировал «священное здание» империи. Церемониальное рассаживание курфюрстов являло взорам участников и зрителей образ империи, построенный на объединении двух принципов представления политического сообщества: во-первых, как правильно упорядоченного (архитектурного) пространства и, во-вторых, как правильной совокупности символических фигур. Каждый из князей-избирателей по отдельности символической ролью не обладал, но все вместе, объединенные с императором в пространстве церемонии, они приобретали символическое значение, что выражалось внешне в церемониальных службах курфюрстов, только намеченных в исходном эдикте, но описанных подробно в последующих разделах Золотой буллы. Проведенный анализ показал крайнюю неоднородность исходного ядра Золотой буллы: наличие в нем разных хронологических слоев, а, соответственно, и различное смысловое наполнение его «церемониальных» разделов, отразивших интересы ряда участников переговоров.

Четвертый параграф посвящен двум комплексам дополнений к основному эдикту, т.е. главам 21 – 23 и 26 – 28. Цель первого состояла в развитии идей основного эдикта применительно к процессиям: тем самым изначально статичному образу империи придавалась динамика. Процессию автор документа представлял себе по образцу коронационной – с публичным предъявлением инсигний. Завершающие разделы нюрнбергской части Золотой буллы выражают ту же тенденцию, что и положения основного эдикта: церемония несения знаков власти совпадает по символическому содержанию и с церемониальным рассаживанием курфюрстов, и с метафорой

«священного здания» империи. Точно так же, как исходный эдикт, они никак не относятся к процедуре избрания нового короля, а служат символическому «описанию» власти правящего императора. Третий и последний блок «церемониальных» глав Золотой буллы (главы 26 – 28) мог представлять собой часть сценария торжеств в Меце. Однако этот сценарий так и не был реализован, судя по свидетельствам современников о ходе мецского имперского собрания. Историки до сих пор не замечали, что эти главы Золотой буллы задавали лишь начало и конец публичной церемонии, обходя полным молчанием возможное *заполнение* этой рамки. Выходит, в Золотой булле предлагался церемониальный «формуляр», в который можно было «вписать» самые различные действия – и прежде всего церемонии вручения ленов, описанные свидетелями съезда в Меце.

Сила воздействия церемониальных зрелищ состояла не в последнюю очередь в их пластичности: они давали возможность всем заинтересованным сторонам «прочитать» их в выгодном для себя ключе. Так, церемониальные службы курфюрстов можно было рассматривать, с одной стороны, как выражение подчиненности их императору, но с другой, – как проявление исключительности статуса этих «колонн священного здания империи» и их сопричастности высшей в христианском мире власти. Церемонии Золотой буллы, с одной стороны, выстраивали строго иерархическую систему организации империи, но, с другой, подчеркивали коллегиальность отношений внутри группы курфюрстов и доверительность их связи с императором. В силу своей семантической широты церемонии позволяли сглаживать противоречия и создавать ситуации, в которых носители разнонаправленных политических сил находили возможность сосуществовать мирно и даже действовать гармонично.

Разумеется, называть Золотую буллу церемониальной конституцией Священной Римской империи (как и конституцией вообще) можно лишь сугубо условно. В результате проведенного исследования ярче, чем ранее, стали видны *ситуативные* причины появления трех групп ее церемониальных глав. Нормативный характер они начнут приобретать только в XV в., когда даже *процедурные* требования Золотой буллы станут переосмысляться как требования *церемониальные*, а выборы окончательно предстанут как *церемония* избрания, служащая лишь опубликованию решения, принятого заранее. Тем самым подтвердилось, что формулирование «церемониальных»

разделов Золотой буллы было закономерной реакцией на усиливавшуюся потребность в формализации и визуализации политического процесса – во всяком случае, его внешней стороны.

Во второй главе «Инаугурационные церемонии» рассматриваются только две проблемы из многих, возникающих перед историком в связи с историей инаугурационных церемоний в империи, однако это проблемы центральные и не находившие до сих пор в историографии убедительного решения.

Задача первого параграфа состоит в выяснении происхождения и значения характерного символического действия, открывавшего всю цепь инаугурационных церемоний, через которые следовало пройти государю Германии. После успешного завершения голосования курфюрсты усаживали нового короля Римского на церковный престол. Хотя эта деталь была наверняка хорошо известна авторам Золотой буллы, в тексте памятника она обойдена молчанием. Первым сохранившимся свидетельством практики «усаживания на алтарь» главы Священной Римской империи является миниатюра из т.н. Кодекса Балдуина (ок. 1340 г.), относящаяся к избранию королем Генриха VII Люксембурга в 1308 г. От последующих выборов королей Римских дошли многочисленные свидетельства, подтверждающие, что странная церемония неизменно соблюдалась вплоть до 1690 г. Начиная с Я. Гримма историки ограничивались туманными предположениями о древнегерманских корнях этого обычая, якобы уходящих к ритуалам возведения нового вождя на особый камень или же подъема его на щит. Когда Ф. Ригер обнаружил, что новоизбранных епископов и даже пап римских также усаживали на алтарь, он предположил, что это церковное обыкновение стало производным от аналогичного обряда, соблюдавшегося по отношению к королям Римским, «его копией на церковной почве». Мнение Ф. Ригера преобладало в историографии до опубликования исследований диссертанта. В данном параграфе были выявлены и сопоставлены все известные сегодня историкам случаи усаживания на алтари любых обладателей властных полномочий – королей, епископов, аббатов и аббатис. Несколько ключевых для понимания обычая эпизодов, относящихся к епископствам Трир, Хальберштадт и Сьон (Зиттен), а также аббатствам Эхтернах и св. Фомы под Триром, были впервые выявлены и описаны по архивным материалам. Помимо королей Римских, лишь про одного светского

государя известно, что его (очевидно, по германскому образцу) после избрания усаживали на алтарь – это король Венгрии Ласло V (1301 г.) Вопреки преобладавшему в историографии мнению, удалось показать, что ни о каком заимствовании церковью королевского обряда не может быть и речи: наоборот, это светская власть переняла «жест», отмечавший завершение процедуры избрания в среде духовенства. Данный вывод обесценивает широко распространенное в историографии суждение, что сцена подъема нового государя на алтарь была христианизированным проявлением архаичной сакральности короля Римского, якобы восходившей еще к харизме вождей древних германцев. Зато, как и в случае с метафорикой Золотой буллы, здесь видно, сколь сильно послештауфеновская монархия в Германии зависела от церкви при создании своего метафорического и церемониального оформления. Усиливал эту зависимость, очевидно, выборный характер германской монархии, поскольку авторитетные процедуры «правильных» выборов были разработаны и освоены в церкви, но аналогов им светские власти империи, естественно, не имели. Заимствование вполне сложившейся процедуры епископских выборов оказывалось в данной ситуации естественным шагом, тем более что самую активную часть коллегии избирателей составляли трое архиепископов, прекрасно знакомых с такой процедурой.

В результате проведенного исследования стало ясно, что церемония усаживания на алтарь означала прежде всего успешное завершение выборов и появление нового правителя, возвышенного теперь церемониальными средствами над кругом избиравших его лиц. Выдвинуто предположение, что идейную основу церемонии составляет образ алтаря как трона Христова, причем усаживание на алтарь означало символическое уподобление избранника Христу.

Во втором параграфе «Описание коронации как интерпретация ее политического смысла» рассмотрение конкретной церемонии, связывавшейся современниками с императорской коронацией в Риме, становится лишь средством для выявления одной из важнейших трудностей в проведении любых исследований средневековых церемоний: уже сами *описания* церемониальных ситуаций могли иметь целью *создание* тех или иных политически окрашенных образов в воображении их современников. В данном разделе впервые детально анализируется парадоксальная традиция описания римской императорской коронации, зафиксированная с конца XII до начала XVI

в. в целом ряде сочинений из разных стран: Англии, Италии, Франции, Испании, Германии. Хотя данная версия римских коронаций вступала в решительное противоречие с тем, что сообщалось о них как в коронационных чинах, так и в описаниях наблюдателей, она проявила удивительную стабильность. Причина, видимо, состояла в том, что ее сообщали паломникам знакомившие их со святынями Рима «гиды» из низших чинов папской курии и римского духовенства. Тем самым у распространившегося по Европе весьма специфического «неофициального» описания коронационной церемонии имелась относительно устойчивая основа — институциональная и локальная. Судя по тому, что данный тип описаний сохранился в существенно отличавшихся друг от друга вариантах, а также по тому, что общего «прототекста» для них не обнаруживается, уместно предположить, что передача сюжета происходила только устно. Важнее, однако, то, что при всем разнообразии сохранившихся вариантов этой «институционально-фольклорной» версии, в ней неизменно присутствовал один и тот же мотив: церемония коронации символически выражает полную подчиненность императора папе римскому. Распространение данного сюжета было неофициальной политической публицистикой, скрывавшейся под видом «фактологического» описания церемониального действия.

В третьей главе «Церемонии *adventus domini*» рассмотрены типичные варианты церемониального оформления вступления государя в его город. В первом параграфе анализируется церемония, особенно характерная для германских земель: въезжавший государь вводил в процессии с собой преступников, осужденных городским судом и приговоренных к тем или иным срокам изгнания. Возвращение в города высланных не было в Германии исключительной привилегией императоров и королей: изгнанники шествовали также при торжественных въездах королей, князей и папских легатов. Горожане обычно просили не возвращать определенные категории лиц либо же не позволяли изгнанникам оставаться в городе дольше приведшего их с собой государя. В параграфе впервые выясняется масштаб данного явления: оказывается, такая церемония практиковалась не только на юге Германии и в Рейнской области, как считалось ранее, но едва ли не повсеместно – от графства Фландрского на западе до Ревеля и Риги на востоке, притом начиная с XIV в. вплоть до Нового времени. Ранее по

поводу данной церемонии высказывалось два основных мнения. Согласно первому, в ней отразился сакральный характер власти короля – продолжение харизмы древнегерманского вождя – позволявший ему единым прикосновением освобождать преступника от наказания. Согласно второму, церемонию следует связать с теми нормами Саксонского и Швабского зеркал, которые требуют от местных судов слагать свои полномочия при прибытии государя – высшего судьи. У этого принципа древнеримские корни, сам же обряд ввода преступников должен наглядно выражать идею превосходства власти государя над любой местной властью. В диссертации показывается, что оба этих мнения следует отнести к числу историографических мифов. Зато поиск параллелей за пределами Германии выявил, что ранее всего рассматриваемое обыкновение было упомянуто еще в 1272 г. в проповеди духовника французского короля, причем в контексте сопоставления короля с Христом. Именно во Франции практика освобождения заключенных и возвращения изгнанников стала частью королевской репрезентации, яркой христомиметической чертой в образе государя. Отсюда следует, что странный обычай якобы то ли древнегерманского, то ли древнеримского происхождения в действительности был заимствован германскими государями из французского королевского церемониала. Правитель, возвращавший изгнанников, выступал в роли *rex pacificus*, в качестве образа Христа милосердного. Во втором параграфе – «Ахенские коронационные въезды» – при максимально подробном рассмотрении одного конкретного вида церемонии *adventus domini* удалось выявить несколько новых существенных ее черт. С одной стороны, в ахенских въездах отчетливо проявился их инаугурационный характер. Хотя формально *adventus* не относился к коронации, он воспринимался современниками именно как ее часть – причем чем дальше, тем больше. Последнее связано с расширением круга «значимой» публики, способной не только воспринимать политическое зрелище, но еще оценивать и описывать его, создавая и распространяя тем самым собственную его трактовку. В то время как помазание и коронация проходили на глазах сравнительно узкого круга свидетелей – высшей знати империи, ахенской городской верхушки и посланцев от других городов, – следить за *adventus* могли сотни и тысячи людей, среди которых имелось немало образованных, способных передать свои впечатления на письме. В результате в общей совокупности отчетов о коронационных торжествах акцент все сильнее

делался на коронационном въезде, тогда как храмовая церемония постепенно уходила на второй план.

С инаугурационным характером ахенских въездов были тесно связаны и две других его черты. Первая – дидактическая, которая со временем проступала все отчетливее. В ходе церемонии *adventus* нового государя поучали, как ему править и какому образцу при этом следовать. Вторая черта – эсхатологичность церемонии: вступление короля трактовалось весьма драматически по образцу пришествия Христа – но теперь не как *rex pacificus*, а в грозном образе апокалиптического Судии.

Высказанное выше предположение, что всякое описание церемонии уже имплицитно содержит политическую оценку ее главных участников, – получил подтверждение и на ахенском материале. Авторы сохранившихся свидетельств могли выражать свою политическую лояльность, в частности, тем, что «не замечали» неурядиц в организации королевского въезда, которых при ближайшем рассмотрении выявляется немало. Сведения о таких погрешностях позволяют существенно скорректировать идеальный образ *adventus domini* (как и других церемоний), навязываемый читателю не только прескриптивными, но и большинством дескриптивных текстов. Анализ манеры восприятия церемонии очевидцами, включая явные ошибки в их рассказах, позволяет лучше понять не только политические симпатии авторов, но и общие параметры обращения с информацией, принятого в их время и в их среде.

Третий параграф посвящен «провинциальному» *adventus* и церемониям принесения горожанами присяги их князю, рассмотренным прежде всего на примере ряда городов одного из курфюршеств – архиепископства Трирского. Сопоставление локальных отличий этих церемоний оказалось возможным благодаря неопубликованным протоколам княжеского секретаря, которые он вел при первом объезде княжества новым архиепископом в 1503 г. Немалое сходство в организации и семантике как вступлений в города императоров или королей, так и княжеских (в данном случае епископских) въездов, показывает, что в основе церемоний на разных «уровнях» империи лежали общие принципы. Вместе с тем въезды архиепископа Трирского выглядят существенно патриархальнее императорских *adventus* XV в. Зато отчасти именно благодаря старомодности церемоний, практиковавшихся в трирском княжестве, там в каждом городке рисунок встречи князя оказывался своим, отличавшимся большим или меньшим

числом деталей от принятого у соседей. Отличия эти носили, как правило, не случайный, а «конституционный» характер, выражая разные модальности отношения горожан к своему сеньору: от безоговорочной преданности до прохладной дистанцированности, а то и неприкрытого стремления к освобождению от его власти. Сопоставление мелких деталей церемоний въезда и принесения присяги позволяет историку, помимо прочего, с высокой точностью выявлять особенности политического ландшафта княжества. Кроме того, трирские материалы наглядно показывают, что рисунок церемонии *adventus* в решающей степени зависел не от въезжавшего князя, а от принимавших его горожан – правило, которое соблюдалось и в других краях.

В первом параграфе **четвертой главы «Погребальные церемонии»** рассматриваются сохранившиеся свидетельства о всех погребениях императоров и королев Римских за избранный период: с 1313 г. (похороны Генриха VII Люксембурга) по 1493 г. (прощание с Фридрихом III Габсбургом). Помимо опубликованных документов, здесь привлекаются рукописное описание процессии на похоронах Альбрехта II (1439 г.), оригинал «Зеркала чести Австрийского дома» К. Йегера, тирольские счетные книги и, в особенности, рабочий «меморандум» одного из организаторов погребения Фридриха III. Данные последнего текста сопоставляются со сведениями нескольких инкунабул. Выясняется, что единого сценария государевых похорон в империи не было: рисунок каждой погребальной церемонии определялся завещательными пожеланиями самого государя, распоряжениями его наследников, мнениями советников, а также, вероятно, локальными традициями. Тем существеннее, что на протяжении XIV в. все же происходит складывание своего рода «интернационального стиля» королевских погребений, быстро воспринятого при дворах не только Германии, но и Чехии, Венгрии и Польши. Его характерной чертой стало предъявление в траурной процессии оружия, доспехов и коней покойного, а также серии его геральдических эмблем, соответствовавших последовательности титулов умершего. Вопреки авторитетному мнению В. Брюкнера, доказывается, что один из рыцарей, участвовавших в похоронной процессии такого рода, обычно символически представлял персону покойного. Распространение «интернационального стиля» в XIV в. свидетельствует о стремлении не только к унификации принципов, на которых строились погребальные

церемонии, но и – шире – к выработке символично-церемониального языка, общего для центральноевропейских дворов, поддерживавших интенсивное политическое взаимодействие. В заключительной части параграфа разбирается подробная записка анонимного организатора похоронных торжеств в Вене в 1493 г., позволяющая лучше любых иных сохранившихся источников проследить ход мысли «сценариста», готовящего ответственную церемонию имперского уровня.

Второй параграф посвящен церемониям, сопровождавшим погребения князей. В силу совсем плохого состояния источниковой базы они известны историкам еще хуже, чем императорские и королевские погребения. Соответственно, здесь пришлось в особенно большой степени опираться на архивные свидетельства, хотя и фрагментарные. После упоминания «стандартных» церемоний, построенных на общих принципах церковного прощания с благочестивым христианским государем, рассматриваются необычные традиции, соблюдавшиеся при похоронах епископов Вюрцбургских и Шпайерских. Описания погребений в Саксонии, Ханау и Тироле позволяют поставить вопрос о наличии особых обыкновений и в этих землях. Так, чин погребения графа Тирольского Зигмунда в 1496 г. показывает, что организаторы церемонии строили траурную процессию, вовсе не учитывая «интернационального стиля», воспринятого при королевских дворах еще столетием ранее. Зато при других княжеских дворах рецепция «интернационального стиля» прослеживается: так, графы Вюртембергские усвоили его уже к началу XV в., а маркграфы Бранденбургские – вероятно, в 30-е гг. того же столетия. К концу же XV в. в германских княжествах, видимо, сложились собственные устойчивые традиции погребальных церемоний. В завершение параграфа ставится вопрос общего плана – о характерной специфике информационного освещения современниками политических церемоний, лучше всего заметной как раз на материале погребений. Самым типичным видом «церемониальной» документации XV в. были списки участников с указанием мест, которые они занимали в процессиях или за столом. Такие перечни имен мало говорят сегодняшнему историку, но для современников они содержали, видимо, более ценную информацию, чем описание самих действий, проводившихся с участием перечисленных персон или в их присутствии. Перечни такого рода пользовались большим спросом – их копировали и распространяли. Сопоставление четырех сохранившихся списков участников

поминального пира по пфальцграфу Фридриху I Победоносному в Гейдельберге в 1476 г. показало, что информаторы были довольно внимательны, когда перечисляли тех лиц из высшей знати империи, которым были отведены места за первыми тремя пиршественными столами. Зато начиная с четвертого стола перечни полны несогласованностей: похоже, внимание наблюдателей снижалось параллельно понижению статуса присутствовавших. Составители всех перечней достаточно хорошо осведомлены, чтобы не называть по ошибке лиц, в Гейдельберг вовсе не прибывших, но зато они вполне могли, напротив, пропустить кого-нибудь из присутствовавших. Кроме того, они путали местами «второстепенных» пирующих, допуская тем самым ошибки в передаче общественной иерархии, выражением которой и служило распределение мест на пиру.

В третьем параграфе рассматриваются траурные церемонии, хотя и посвященные государям, но проходившие не при дворах, а в городах. Примеры поминовений Фридриха III в Аугсбурге и Франкфурте в 1493 г. хорошо показывают разницу в локальных трактовках таких торжеств. Необычно много сведений об организации траурных церемоний сохранилось в нюрнбергских счетных книгах – начиная еще с поминовения короля Рупрехта в 1410 г. Церковная составляющая занимала в «городских» поминальных церемониях по государям существенно большее место, чем в «придворных», поскольку в городах не использовали мотивов, представлявших покойного в качестве рыцаря и носителя определенных титулов. Процессия при поднесении пожертвований церкви использовалась в городах не для «геральдического описания» усопшего, а для символического подтверждения власти местной элиты. Рецепции «интернационального стиля» траурных торжеств, судя по имеющимся данным, в городах вообще не происходило. Однако с 1424 г., когда король Сигизмунд передал Нюрнбергу на хранение имперские реликвии – корону, скипетр, державу и меч, якобы принадлежавшие Карлу Великому, – их использование стало главным отличием поминовений императоров и королей в Нюрнберге. Тем самым, усиление светского компонента траурных торжеств происходило и в этом городе, но шло в ином направлении, чем предлагал «интернациональный стиль». Демонстрация имперских реликвий служила не только обозначению статуса покойного государя, но и возвеличиванию нюрнбергской элиты,

демонстрировавшей с их помощью близость к императорской власти и даже причастность к ней.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и делается ряд обобщающих наблюдений. Подчеркивается, что в разных церемониях, практиковавшихся как на императорском, так и княжеском уровнях, встречался один и тот же мотив, который, вероятно, можно счесть осью всего политического церемониала в империи. Этот мотив состоит в уподоблении государя Христу. Однако образ Христа церемониально трактовался в двух различных вариантах: Христа – строгого судии и Христа – милостивца и миротворца. Историки неоднократно отмечали большую роль идеи христомимесиса в самопредъявлении государей раннего Средневековья. Однако то, что она сохраняла свое значение вплоть до кануна Реформации, является неожиданным. Второй столь же неожиданной особенностью имперского церемониала оказалась его ориентированность на образцы, задававшиеся церковными князьями – епископами и папой, а также французским королевским двором. Существенных черт преемственности по отношению к политическому церемониалу Штауфенов (правда, крайне плохо известному) не прослеживается. Тем более не улавливается какая бы то ни было связь с харизмой древнегерманских вождей, а характерные мотивы (усаживание на алтарь и ввод преступников), настойчиво трактовавшиеся в немецкой историографии как проявления исконного германского *Sakralkönigtum*, оказываются при ближайшем рассмотрении заимствованиями извне, сделанными относительно недавно.

В итоге на защиту выносятся следующие положения:

1. Политический церемониал представлял собой весьма существенное явление в позднесредневековой Священной Римской империи. При всей своей гетерогенности, при крайне неравномерном отражении отдельных церемоний в источниках, при методологических трудностях анализа сохранившихся сведений, политический церемониал выступал в качестве важнейшего средства выстраивания и регулирования отношений как между различными группами правящей элиты, так и между нею в целом и подданными.
2. При всех отличиях в проведении отдельных церемоний в разных областях империи и на разных ее уровнях политический церемониал в целом строился на основе общих принципов, что делало его универсальным средством политической коммуникации. Одной из центральных его идей, оставалось, как и в предшествовавшие столетия, уподобление государя Иисусу Христу, хотя смысл этого уподобления мог в различных обстоятельствах пониматься по-разному.
3. С XIV в. заметна нарастающая тенденция к интернационализации политического церемониала, т.е. к усвоению при различных дворах Центральной Европы сходных принципов построения политически значимых церемоний. В этом столетии она отчетливо проявилась при организации королевских погребений в Германии, Чехии, Венгрии и Польше, а в следующем стала заметной и на более низком уровне некоторых династий германских князей.
4. В политическом церемониале XIV – начала XVI в. не выявляется сколько-нибудь существенных черт, которые свидетельствовали бы о преемственности по отношению к периоду правления императоров из дома Штауфенов, не говоря уже о временах древних германцев. Напротив, недавние заимствования в сфере политического церемониала у князей церкви, а также французского двора косвенно свидетельствуют о глубине политического и идейного кризиса, пережитого империей в ходе потрясений середины и второй половины XIII в.

Публикации по теме диссертации:

Монография:

1. *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с. (45 а.л.)

Статьи³⁴:

1. **Документы по истории политической борьбы на имперских собраниях (рейхстагах) в Германии в конце XIV в.** Перевод, вступительная статья и комментарий М.А. Бойцова // Средние века. Вып. 49. 1986. С. 220 – 246 (2 а.л.)
2. *Бойцов М.А.* Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. // Средние века. Вып. 52. 1989. С. 25 – 46 (1,5 а.л.)
3. *Бойцов М.А.* Имперская опала в XIV – XV вв. // Средние века. Вып. 53. М., 1990. С. 249 – 252 (0,25 а.л.)
4. *Бойцов М.А.* Новое издание «Золотой буллы» Карла IV // Средние века. Вып. 54. М., 1991. С. 260 – 262 (0,25 а.л.)
5. *Бойцов М.А.* Германский император XIV в.: инструменты реализации власти // Власть и политическая культура в средневековой Европе / Под ред. Е.В. Гутновой. М.: ИВИ РАН, 1992. С. 106 – 114 (0,5 а.л.)
6. *Bojcov M.A.* Qualitäten des Raumes in zeremoniellen Situationen (das Heilige Römische Reich 14. – 15. Jh.) // Zeremoniell und Raum (1200 – 1600). 4. Symposium der Residenzenkommission der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Potsdam, 25. – 27. September 1994. Programm – Resümees – Teilnehmerliste. Potsdam, 1994. S. 17 – 20 (0,25 а.л.)
7. *Бойцов М.А.* Скромное обаяние власти // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 37 – 66 (1,5 а.л.)

---

³⁴ Полу жирным шрифтом выделены статьи в изданиях, вошедших в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, а также статьи в зарубежных журналах, включенных в системы цитирования Web of Science (Arts and Humanities Citation Index) и Scopus, рассматриваемые в ВАК в качестве части указанного «Перечня».

8. *Бойцов М.А.* Ритуал императорских похорон в Германии конца XV в. // Средние века. Вып. 58. 1995. С. 149 – 155 (0,5 а.л.)
9. *Бойцов М.А.* «Ребенок и глупец избрали короля» // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1996. [Вып. 1]. М., 1997. С. 111 – 136 (1,5 а.л.)
10. *Bojcov M.A.* Qualitäten des Raumes in zeremoniellen Situationen: Das Heilige Römische Reich, 14. – 15. Jahrhundert // Zeremoniell und Raum. 4. Symposium der Residenzen-Kommission der Akademie der Wissenschaften in Göttingen / Hrsg. von W. Paravicini. Sigmaringen: Thorbecke, 1997 (Residenzenforschung, 6). S. 129 – 153 (1,5 а.л.)
11. *Bojcov M.A.* Der diskrete Charme der Herrschaft. Zum Image deutscher Machttträger im 14. – 15. Jahrhundert // Majestas. Bd. 5. 1997. S. 23 – 66 (2 а.л.)
12. *Bojcov M.A.* Ephemierität und Permanenz bei Herrschereinzügen im spätmittelalterlichen Deutschland // Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft. Bd. 24. 1997. S. 87 – 107 (2 а.л.)
13. *Бойцов М.А.* Накануне. Ахенские коронационные въезды под разными углами зрения // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 171 – 203 (1,5 а.л.)
14. *Bojcov M.A.* Sitten und Verhaltensnormen am Innsbrucker Hof im 15. Jahrhundert im Spiegel der Hofordnungen // Höfe und Hofordnungen 1200 – 1600. 5. Symposium der Residenzen-Kommission der Akademie der Wissenschaften in Göttingen / Hrsg. von H. Kruse und W. Paravicini. Sigmaringen: Thorbecke, 1999 (Residenzenforschung, 10). S. 243 – 283 (3 а.л.)
15. *Бойцов М.А.* Герцог, его слуга и смерть // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 2000. С. 303 – 338 (2 а.л.)
16. *Бойцов М.А.* Частное и публичное в жизни и смерти немецких аристократов позднего средневековья // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени) / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и О.Г. Эксле. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 123 – 140 (1 а.л.)
17. Погребение императора Фридриха III в 1493 г. Публикация, перевод, вступительная статья и комментарии М.А. Бойцова // Средние века. Вып. 61. 2000. С. 254 – 289 (2 а.л.)
18. *Bojcov M.A.* Mittelalterlicher Symbolismus und (post)moderner Historismus // Reich, Regionen und Europa in Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Peter Moraw / Hrsg. von P.-J. Heinig, S. Jahns, H.-J.

- Schmidt, R.Ch. Schwinges und S. Wefers. B.: Duncker & Humblot, 2000 (Historische Forschungen, 67). S. 751 – 759 (0,5 а.л.)
19. *Бойцов М.А.* Как горожане встречали своего сеньора // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4. Extra muros: Город, общество, государство. М.: Наука, 2000. С. 65 – 78 (1 а.л.)
20. *Bojcov M.A.* «Das Frauenzimmer» oder «die Frau bei Hofe»? // Das Frauenzimmer. Die Frau bei Hofe in Spätmittelalter und Früher Neuzeit. 6. Symposium der Residenzen-Kommission der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Dresden, 26. – 29. September 1998 / Hrsg. von J. Hirschbiegel und W. Paravicini. Stuttgart: Thorbecke, 2000 (Residenzenforschung, 11). S. 327 – 337 (0,5 а.л.)
21. *Бойцов М.А.* Порядки и беспорядки при дворе графа Тирольского // Двор средневекового монарха: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2001. С. 93 – 120 (1 а.л.)
22. *Bojcov M.A.* Das Private und das Öffentliche im Leben und Sterben deutscher Adeliger im Spätmittelalter // Das Individuum und die Seinen. Individualität in der okzidentalen und der russischen Kultur in Mittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von J.L. Bessmertny und O.G. Oexle. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001 (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 163). S. 153 – 168 (1 а.л.)
23. **Бойцов М.А.** Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. Вып. 4. М., 2002. С. 137 – 201 (3 а.л.)
24. *Бойцов М.А.* Власть правителя // Словарь средневековой культуры / Под общей редакцией А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 78 – 91 (1,3 а.л.)
25. *Бойцов М.А., Пишцова С.Н.* Монархия // Словарь средневековой культуры / Под общей редакцией А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 301 – 312 (1,3 а.л.)
26. *Бойцов М.А.* Империя // Словарь средневековой культуры / Под общей редакцией А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 179 – 187 (1 а.л.)
27. *Бойцов М.А.* Погребение государя // Словарь средневековой культуры / Под общей редакцией А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 369 – 372 (0,5 а.л.)
28. **Бойцов М.А.** Живая власть мертвого тела. Комментарий к повествованию старшего коллеги // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2003. Вып. 5. М., 2003. С. 167 – 253 (3 а.л.)
29. *Бойцов М.А.* «Индивидуальность» умершего государя. Репрезентация покойного правителя в позднесредневековых

- погребальных церемониях // В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала Нового времени / Под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 129 – 190 (2,2 а.л.)
30. *Бойцов М.А.* «Вывихи времён» и сопротивление источников // **Одиссей. Человек в истории.** 2003. М., 2003. С. 241–250 (0,5 а.л.)
31. *Bojcov M.A.* The Plundering of Dead Rulers // Emotions and Material Culture / Ed. by Gerhard Jaritz. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003 (Forschungen des Institutes für Realienkunde des Mittelalters und der Frühen Neuzeit. Diskussionen und Materialien, 7). P. 77 – 83 (0,5 а.л.)
32. *Бойцов М.А.* Папа римский коронует ногами // Номо historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В двух книгах / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Кн. 2. М.: Наука, 2003. С. 13 – 55 (2 а.л.)
33. *Бойцов М.А.* Архиепископ Трирский объезжает свои владения // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. С. 317 – 359 (2 а.л.)
34. *Bojcov M.A.* Symbolische Mimesis – nicht nur im Mittelalter // Zeichen – Rituale – Werte / Hrsg. von G. Althoff unter Mitarbeit von Ch. Witthöft. Münster: Rhema, 2004 (Symbolische Kommunikation und gesellschaftliche Wertesysteme. Schriftenreihe des Sonderforschungsbereichs 496, Bd. 3). S. 225 – 257 (2 а.л.)
35. *Бойцов М.А.* Папский зонтик, бог Гелнос и судьбы России // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2004. Вып. 6. М., 2005. С. 99 – 154 (3 а.л.)
36. *Бойцов М.А.* Символический мимесис — в средневековье, но не только // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2004. Вып. 6. М., 2005. С. 355 – 396 (2 а.л.)
37. *Bojcov M.A.* Zum Frauenzimmer am Innsbrucker Hof Erzherzog Sigmunds // Der Innsbrucker Hof. Residenz und höfische Gesellschaft in Tirol vom 15. bis 19. Jahrhundert / Hrsg. von H. Noflatscher und J.P. Niederkorn. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005 (Archiv für österreichische Geschichte, 138). S. 197 – 211 (0,5 а.л.)
38. *Bojcov M.A.* Wie der Kaiser seine Krone aus den Füßen des Papstes empfing // *Zeitschrift für historische Forschung.* Jg. 32. 2005. S. 163 – 198 (1,5 а.л.)
39. *Bojcov M.A.* Feste und Feiern: Festliche Anlässe und Festformen // Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Bilder und Begriffe / Hrsg. von W. Paravicini, bearbeitet von J. Hirschbiegel und J. Wettlaufer.

Teilband 1. Ostfildern: Thorbecke, 2005 (Residenzenforschung, 15/2). S. 483–495 (1,5 а.л.)

40. *Bojcov M.A.* How One Archbishop of Trier Perambulated his Lands // Representations of Power in Medieval Germany 800 – 1500 / Ed. by B. Weiler and S. MacLean. Turnhout: Brepols, 2006 (International Medieval Research, 16). P. 319–348 (1,5 а.л.)
41. *Бойцов М.А.* Сидя на алтаре // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 190–262 (2,5 а.л.)
42. *Бойцов М.А.* Когда становится видно, что король – голый? // Поблекшее сияние власти / Под ред. М.А. Бойцова. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 5 – 15 (0,5 а.л.)
43. *Bojcov M.A.* Die Plünderung der toten Herrscher als allgemeiner Wahn // Bilder der Macht in Mittelalter und Neuzeit. Byzanz – Okzident – Rußland / Hrsg. von O. G. Oexle und M. A. Bojcov. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007 (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 226). S. 53 – 117 (3,25 а.л.)
44. *Bojcov M.A.* Warum pflegten deutsche Könige auf Altären zu sitzen? // Bilder der Macht in Mittelalter und Neuzeit. Byzanz – Okzident – Rußland / Hrsg. von O. G. Oexle und M. A. Bojcov. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007 (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 226). S. 243 – 314 (3 а.л.)
45. *Bojcov M.A.* Höfische Feste und ihr Schrifttum. Ordnungen, Berichte, Korrespondenzen // Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Hof und Schrift / Hrsg. von W. Paravicini, bearbeitet von J. Hirschbiegel und J. Wettlaufer. Ostfildern: Thorbecke, 2007 (Residenzenforschung, 15/3). S. 179 – 184 (0,6 а.л.)
46. *Bojcov M.A.* Feste im Lebenslauf [Einleitung] // *Ibidem*. S. 185 – 188 (0,2 а.л.)
47. *Bojcov M.A.* Feste im Jahreslauf // *Ibidem*. S. 223 – 229 (0,6 а.л.)
48. *Bojcov M.A.* Feste zu besonderen Anlässen [Einleitung] // *Ibidem*. S. 229 – 232 (0,25 а.л.)
49. *Bojcov M.A.* Einzug // *Ibidem*. S. 232 – 241 (0,9 а.л.)
50. *Bojcov M.A.* Krönung // *Ibidem*. S. 242 – 252 (1 а.л.)
51. *Bojcov M.A.* Eid und Huldigung // *Ibidem*. S. 252 – 259 (0,7 а.л.)
52. *Bojcov M.A.* Herrscherbegegnung // *Ibidem*. S. 259 – 266 (0,7 а.л.)
53. *Bojcov M.A.* Reise // *Ibidem*. S. 267 – 276 (1 а.л.)
54. *Bojcov M.A.* Ständerversammlung // *Ibidem*. S. 276 – 284 (0,8 а.л.)
55. *Bojcov M.A.* Der Schirm des Papstes, der Sonnengott und die historischen Wege Russlands // Prozessionen, Wallfahrten, Aufmärsche: Bewegung zwischen Religion und Politik in Europa und Asien seit dem Mittelalter /

- Hrsg. von J. Gengnagel, M. Horstmann, G. Schwedler. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2008 (Menschen und Kulturen. Beihefte zum Saeculum, 4). S. 163 – 203 (2,3 а.л.).
56. **Бойцов М.А.** Преступники под покровительством государя (Об одном необычном элементе репрезентации средневекового правителя) // Вестник Московского университета. Серия 8 История. 2008. № 5. С. 3 – 18 (0,75 а.л.)
57. **Бойцов М. А.** Раскаяние государя: император и епископ // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. С. 211 – 241 (2 а.л.)
58. **Бойцов М.А.** Средние века: археология смыслов // Средние века. Вып. 70. 2009. № 1 – 2. С. 61 – 69 (0,5 а.л.)
59. **Бойцов М.А.** Государь — жених, его город — невеста // *Salivonica*: Сборник научных статей памяти А.Н. Саливона (1949 – 2007) / Редактор. В.А. Алексеев. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2009. С. 20 – 27 (0,5 а.л.)
60. **Покаяние императора: Феодосий I и Амвросий Медиоланский** // Вестник Древней истории. 2009. № 2. С. 21 – 48 (2 а.л.)
61. **Бойцов М.А.** Всеподданнейшая присяга или же тихий мятеж? Как в Трире и Кобленце клялись на верность своим князьям // Право в средневековом мире – 2009 / Под ред. И.И. Варьяц, Г.А. Поповой. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 37 – 50 (0,7 а.л.)
62. **Bojcov M.** [Рецензия:] *Gerald Schwedler: Herrschertreffen des Spätmittelalters. Formen – Rituale – Wirkungen*, Stuttgart: Thorbecke, 2007 // Sehepunkte [Электронный ресурс]. 9. 2009. Nr. 1 [15.01.2009],
URL:<http://www.sehepunkte.de/2009/01/14112.html> (0,25 а.л.)
63. **Бойцов М.А.** Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5 – 37 (2,25 а.л.)
64. **Bojcov M.A.** Nackt, geplündert und verlassen. Der Leichnam des Herrschers zwischen *jus spoli*, Karneval und „Zwei-Körper-Theorie“ // Paradoxien der Legitimation. Ergebnisse einer deutsch-italienisch-französischen Forschungskonferenz zur «Macht im Mittelalter» in der Villa Vigoni / Hrsg. von A. Kehnel und C. Andenna in wissenschaftlicher Zusammenarbeit mit C. Caby und G. Melville. Firenze: Sismel – Edizioni del Galluzzo, 2010 (Micrologus' Library, 35). P. 101 – 120. (1,3 а.л.)
65. **Bojcov M.** [Рецензия:] *Ulrike Hohensee / Mathias Lawo / Michael Lindner / Michael Menzel / Olaf B. Rader* (Hrsg.), *Die Goldene Bulle. Politik – Wahrnehmung – Rezeption*, 2 Bde. (Berichte und Abhandlungen. Sonderband, 12). Berlin 2009, Akademie Verlag,

1249 S. / Abb. // *Zeitschrift für historische Forschung*. Jg. 37. 2010. Heft. 3. S. 93 – 95 (0,2 а.л.) (в печати)

66. *Bojcov M.A.* Die Wiener Totenfeier für Kaiser Friedrich III.: Vorbereitungen des Veranstalters // *Kaiser Friedrich III. (1440 – 1493)* / Hrsg. von F. Fuchs und M. Wagendorfer. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2011 (*Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters*) (2 а.л.) (в печати)

Подготовленные сборники статей:

1. В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала Нового времени / Под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле. М.: ИВИ РАН, 2003. 368 с. (23 а.л.)
2. Homo historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В двух книгах / Отв. ред. А.О. Чубарьян, зам. отв. ред. М.А. Бойцов и О.Ю. Бессмертная. М.: Наука, 2003. Кн. 1. 797 с.; кн. 2. 406 с. (80 п.л.)
3. Поблекшее сияние власти / Под ред. М.А. Бойцова. М.: ИВИ РАН, 2006. 125 с. (5 а.л.)
4. Bilder der Macht in Mittelalter und Neuzeit. Byzanz – Okzident – Rußland / Hrsg. von O. G. Oexle und M. A. Bojcov. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007 (*Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte*, 226). 675 S. (50 а.л.)
5. Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле. М.: Наука, 2008. 443 с. (33 а.л.)
6. Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с. (24 а.л.)

Заказ № 198-А/11/2010 Подписано в печать 25.11.2010 Тираж 100 экз. Усл. п.л. 2,5

ООО "Цифровичок", тел. (495) 649-83-30
www.cfr.ru ; [e-mail: info@cfr.ru](mailto:info@cfr.ru)